

УДК 811.11

К. филол. н., доц. Тимралиева Ю. Г.
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Российская Федерация
ФЕНОМЕН ОБЕЗЛИЧИВАНИЯ И ЕГО ЯЗЫКОВЫЕ
ЭКСПЛИКАЦИИ В ЛИРИКЕ НЕМЕЦКОГО ЭКСПРЕССИОНИЗМА

К. філол. н., доц. Тімралієва Ю. Г.
Санкт-Петербурзький державний економічний університет,
Російська Федерація
ФЕНОМЕН ЗНЕОСОБЛЕННЯ ТА ЙОГО МОВНІ ЕКСПЛІКАЦІЇ
У ЛІРИЦІ НІМЕЦЬКОГО ЕКСПРЕСІОНІЗМУ

Candidate of Science (Philology), docent J. G. Timralieva
St. Petersburg State University of Economics, Russian Federation
PHENOMEN OF DEPERSONALIZATION AND ITS LINGUISTIC
EXPLICATIONS IN THE LYRICS OF GERMAN EXPRESSIONISM

В предлагаемой статье рассматриваются некоторые особенности лирики немецкого экспрессионизма – литературного течения начала XX века, оказавшего существенное влияние на дальнейшее развитие европейской литературы. Одной из ключевых тем экспрессионистской лирики становится урбанизация, одним из лейтмотивов – обезличивание, духовная деградация людей, включенных в массовый поток урбанизированной жизни. Эта идея находит непосредственное выражение во всей языковой структуре экспрессионистских текстов: как в семантике слов и смысловом наполнении образов, так и в грамматическом строе произведений.

Ключевые слова: экспрессионизм, эстетическая проблема, лейтмотив, обезличивание, анонимность, языковая структура, грамматическая форма, синекдоха.

У пропонованій статті розглядаються деякі особливості лірики німецького експресіонізму – літературної течії початку XX століття, який сприяв істотному впливу на подальший розвиток європейської літератури. Однією з ключових тем експресіоністської лірики стає урбанізація, одним із лейтмотивів – знеособлення, духовна деградація людей, включених в масовий потік урбанізованого життя. Ця ідея знаходить безпосереднє вираження в усій мовній структурі експресіоністських текстів: як у семантиці слів і смислового наповненні образів, так і в граматичному ладі творів.

Ключові слова: експресіонізм, естетична проблема, лейтмотив, знеособлення, анонімність, мовна структура, граматична форма, синекдоха.

This article analyses some characteristics of the lyrics of German expressionism, the literary trend which influenced on further development of the European literature. One of the key subjects of the expressionistic lyrics is urbanization, one of the leitmotifs is depriving of individuality, spiritual degradation of people, involved in the mass flow of urbanized life. This idea appears in all linguistic structure of expressionistic texts, both in semantics of the words and figures and in grammatical structure of the poems.

Keywords: expressionism, aesthetic problem, leitmotiv, depersonalization, anonymity, linguistic structure, grammatical form, synecdoche.

Экспрессионизм – одно из ключевых течений в немецкой литературе начала XX века – появился в эпоху «потрясений мирового масштаба» [1, с. 536]. Всплеск революционного движения, первая мировая война, резкое наступление цивилизации, урбанизация, экологическая катастрофа, кризис гуманистических идеалов – таков тот культурно-исторический контекст, в котором зародились философские взгляды, нравственные установки, эстетические пристрастия представителей данного течения, нашедшие самое непосредственное отражение в их текстах. Произведения экспрессионистов, их художественные принципы отличаются «редким соответствием нового направления характерным чертам той бурной эпохи» [там же].

Именно экспрессионисты наиболее выразительно реагируют на очевидные признаки глобального изменения жизненных стандартов, наиболее критично осваивают новую реальность – мир большого города, наполненного машинами, все более похожими на людей, и людьми, все более напоминающими винтики в составе огромного механизма.

Экспрессионисты протестуют против законов коммерциализованного мира и человека, созданного этим миром, вернее уничтоженного им. Потеря нравственных ориентиров, осознание несвободы, пустота и страх, одиночество

и отчужденность – из подобных ощущений возникают картины «распада и потери личности» [3, с. 10], включенной «в массовый поток урбанизированной жизни» [5, с. 22]. Обезличивание человека, его духовная смерть становится одним из ключевых лейтмотивов творчества экспрессионистов; проблема свободы личности – одной из главных эстетических проблем.

Все это находит непосредственное отражение в языке: как на лексическом, так и на грамматическом уровне. Слова *der Tod, die Toten, sterben*, а также композиты с первым компонентом *Todes-, Toten-, Sterbe-* становятся одними из самых частотных в поэтическом словаре экспрессионистов; мертвец, олицетворяющий собой обезличенного, лишённого духовного начала, забывшего об истинных ценностях человека эпохи власти денег – центральной фигурой экспрессионистских текстов.

Среди грамматических категорий имени существительного особую содержательность приобретают категории числа и определенности /неопределенности. В частности, весьма распространенной в лирике экспрессионизма становится форма множественного числа.

Die ärmsten Frauen von Berlin/ dreizehn Kinder in anderthalb Zimmern,/ Huren, Gefangene, Ausgestoßene... (Benn, «Saal der kreißenden Frauen»)

Эта форма присутствует уже в заголовках некоторых произведений: «*Die Irren*», «*Räuber*», «*Blinde Frauen*», «*Die Gefangenen*» (Heym); «*Die Verfluchten*», «*An die Verstummen*» (Trakl); «*Saal der kreißenden Frauen*» (Benn); «*Spaziergang der Sträflinge*» (Toller).

Соотношение форм единственного и множественного числа равняется примерно 1:1, в некоторых стихотворениях количество существительных в форме множественного числа численно превосходит количество существительных в форме единственного числа:

Die Fischer kommen von dem ersten Fang./ Soldaten stehen vor den Fensterreihen/ An der Kaserne schon zu zweien zu dreien./ Sie sperren nackend

eines Mädchens Gang.// Die Frauen plaudern zu den Nadeln Klang./ Die Kinder spielen wieder in dem Freien./ «Ein Storch, ein Storch.» Die Kinderstimmen schreien./ Und alle schauen nach den Vögeln lang.// Zwei Männer ziehen einen kleinen Wagen./ Sie machen vor dem letzten Hause halt./ Ein Sarg wird durch die stumme Tür getragen.// Still wird die Gasse. Es durchweht sie kalt./ Doch bald die Nadeln wieder klappernd jagen/ Und Kinderlärm wieder durch sie schallt.

(Heym, «Abende im Vorfrühling II»)

В данном случае в форме множественного числа выступают, прежде всего, существительные, обозначающие людей. Эти люди определяются не своими личностными характеристиками, но лишь принадлежностью к той или иной группе (возрастной, социальной и т. д.), предстают в контексте этой группы и воспринимаются соответственно как часть этой группы. Личность обезличивается; место героя занимает толпа. Популярными становятся и слова с «собирательной» семантикой: *Menschheit, Menschenströme, Menge, Gedränge, Menschenhaufen, Volk/Völker, Heer, Truppen, Koghorten, Schar, Herde.*

Вне коллектива существуют только люди, по тем или иным причинам (прежде всего, в силу своего психического или физического состояния) не вписавшиеся в коллектив, как, например, герой следующего стихотворения:

Die grauen Kiemen sind herabgelassen/ die Ohren weit und mühsam aufgesperrt;/ Aus Augen blöd auf ungeheure Massen/ von Welten starrend. Exkrement der Rassen.// Um ihn sie klappen mit den Tischgeräten,/ mit roten Tüchern reizen sie den Stier,/ Er aber sinkt und schwimmt, von hier/ entfernt auf blauen Tülpenteichen.// Die Ampel ist vor seiner Nase aufgehängt;/ er rührt sie kaum die langen Affenarme,/ er brüllt im Lachen doch er scheint gedrängt/ zur Wehmut und zum allertiefsten Harme.// In Kirchen sind die roten Teppiche gehängt;/ Ein Priester, geil, will ihn mit Pinseln waschen./ da brennt der Wagen. Die Beamten haschen/ vor dem Altar ihn, wo die Kerzen schlendern.// Er stemmt die

*Arme gegen feste Riemen,/ die Ziemer knacken, hart sind Eisenstangen,/ und
Wände, die im Tanze ihn umsprangen,/ zerreißen die herabgelassenen Kiemen.//
Ein Kolibri sitzt zwitschernd auf dem Aas,/ die Zweige streicheln sorgsam seine
Beine,/ die aufgereckt wie Wegweiser aus seinem/ Bauche glotzen. Im blanken
Sonnenscheine.// Mistkäfer gröhlen tief in seinen Lenden;/ Die haben sich am
Eiter, warm, bezecht./ Ein Bauernkind wirft Steine nach den Enden/ seiner Ze-
hen. Auf ihn schießt ein Knecht.*

(Huelsenbeck, «Der Idiot»)

В данном стихотворении существительные также выступают преимущественно в форме множественного числа; среди них как предметы неживого мира – *Kirchen, Tischgeräte, Tücher, Teppiche, Kerzen, Wände*, так и существительные, так или иначе связанные с людьми – *Massen, Rassen, Beamte*. Существительные *Priester, Bauernkind, Knecht* хоть и стоят в форме единственного числа, но сопровождаются неопределенным артиклем, то есть представляют часть от множества. Таким образом, языковая оппозиция «единственное число – множественное число» (er – sie) задает оппозицию «герой – окружающий мир» (герой – толпа, герой – мир вещей).

Здесь же проявляется еще одна характерная тенденция экспрессионистской лирики – разложение целостной картины, разъятие ее на составные части, представление через эти части. В данном стихотворении восприятие героя происходит через существительные *Arme, Beine, Augen, Ohren, Zehe, Kiemen, Ziemer, Lenden* – при этом с появлением последних, а также краткого сравнения *Affenarme* герой не просто обезличивается, но и уподобляется животному.

В целом слова, обозначающие части человеческого тела/ человеческие органы, очень частотны в экспрессионистской лирике. Утрированная телесность, физиологичность становится одним из ведущих художественных приемов, подчеркивающим власть материального начала над духовным.

Существительные *Leib, Körper, Gesicht, Haar, Auge, Mund, Lippen, Stirn, Wange, Kinn, Brust, Herz, Schulter, Hände, Arme, Füße, Beine* и другие ко-чуют из стихотворения в стихотворение, становясь неотъемлемой частью экспрессионистских текстов. Редкое стихотворение экспрессионистской лирики обходится без лексических единиц данного семантического поля.

Mit einer Stirn, die Traum und Angst zerfressen,/ Mit einem Körper, der verzweifelt hängt.../ – So läuft er durch die langen Großstadtstraßen. (Blass, «Der Nervenschwache»)

Stirne und Hände, von Gedanken blink,/ Schwimmen wie Sonnenlicht durch dunklen Wald. (Boldt, «Auf der Terrasse des Cafes Josty»)

Tausend Lippen wurden vom Fluchen blass/ Tausend Hände ballten sich wild im Hass. (Brecht, «Moderne Legende»)

Если в первом примере из подобных лексических единиц складывается образ отдельно взятого героя, то в последних примерах – образ безликой толпы, представляющей собой «тысячи рук» и «тысячи губ», растворившихся в потоке урбанизированной жизни.

Таким образом, в экспрессионистских текстах синекдоха становится излюбленным приемом представления героя, который воспринимается либо через свои части (*pars pro toto*) – как некий полупризрачный образ, либо через коллектив (*toto pro pars*) – как часть некой общей массы, толпы.

Особую роль в представлении героя эпохи – человека, лишённого всякого индивидуального начала, играют местоимения. Как уже подчеркивалось ранее, согласно эстетической концепции экспрессионизма личность порабощается цивилизацией, подчиняется коллективу, обезличивается. А потому, хотя экспрессионисты и продолжают традиции романтиков, в их лирике задается система грамматических отношений, решительно невозможная для романтизма, где авторское «я» полностью поглощало действительность. Здесь местоимение первого лица единственного числа «*ich*» – редкость,

а если и встречается в произведениях экспрессионистов, то, как правило, не идентифицируется с образом автора [2, с. 59–60]. Оно лишено индивидуального начала, безлико, чуждо автору; нередко от первого лица о себе повествуют предметы неживого мира:

Ich, der brennende Wüstenwind... (Lasker-Schüler, «Weltschmerz»)

Ich bin der Wald voll Dunkelheit und Nässe. (Becher, «Der Wald»)

Ich lebe Tiertage. Ich bin eine Wasserstunde. (Benn, «Die Drohung»)

Ich bin in Wüsten eine große Stadt... (Heym, «Die Stadt der Qual»)

На месте «*ich*» гораздо чаще появляется анонимное, деперсонализованное «*wir*», представляющее собой множество «разделенных, отдаленных «*я*», неприкаянных, безродных, вечно ищущих и вечно изгоняемых» [4, с. 7], а то и вовсе мертвецов:

Wir aber, die, verrucht, zum Tode taugen... (Lichtenstein, «Nebel»)

Wir aber wagen näher nicht zu dringen. (Klemm, «Die Sprache»)

Wit, Tote, sammeln uns zur letzten Reise.../ Wir trohnen hoch auf kahlen Katafalken.../ Wir sind hinunter. Seht, wir sind nun tot. (Heym, «Die Morgue»)

Erstorbene ruhen wir unterm Holunderbusch... (Trakl, «Abendlied»)

Второе лицо почти отсутствует, будучи представленным лишь в некоторых произведениях любовной лирики (прежде всего у Тракля, Ласкер-Шулер), также в стихотворениях, где имеет место обращение к Богу, и, крайне редко, как обращение к читателю:

Da ich deine schmalen Hände nahm/ Schlugst du leise die runden Augen auf... (Trakl, «Abendlied»)

O Gott, schließ um mich deinen Mantel fest.../ Und wenn der letzte Mensch die Welt vergisst,/ Du mich nicht wieder aus der Allmacht lässt... (Lasker-Schüler, «Gebet»)

Mein einziger Wunsch ist, Dir, o Mensch, verwandt zu sein! (Werfel, «An den Leser»)

Традиционная романтическая схема «ich-du-wir» деформируется в «wir-sie». Первое лицо отодвигается на задний план, ключевым в лирике экспрессионизма становится третье лицо: прежде всего местоимение множественного числа – почти безличное «sie», а также анонимные «er», «sie». Кто скрывается за ними, зачастую становится понятным лишь из названия стихотворения, а порой эти герои так и остаются безликими [2, с. 61–62].

Am Abend trugen sie den Fremden in die Totenkammer... (Trakl, «Unterwegs»)

... wenn sie zur Hürde wanken,/ Sie fallen schwer in Schlaf... (Heym, «Russland»)

Sie schleppten ihre Zellen mit in stumpfen Augen... (Toller, «Spaziergang der Sträflinge»)

Er schwirrte durch der großen Städte Flucht. Das traf ihn schwer. (Bacher, «Der Idiot»)

Широкоупотребительны в экспрессионистской лирике и неопределенно-личные местоимения «man», «alle», «jeder», «jemand», «irgendeiner», «einer».

... Sieht man sie verzaubert stehen... (Trakl, «Junge Magd»)

Man würfelt. Säuft. Man schwatzt von Zukunftsstaaten. (Lichtenstein, «Sommerfrische»)

Unsre Wände sind so dünn wie Haut,/ Dass ein jeder teilnimmt, wenn ich weine. (Wolfenstein, «Städter»)

Jemand steht ihm im Rücken/ Und er dreht sich nicht um... (Heym, «Die Silberringe»)

Nacht begann. Einer weinte im Dunkel... (Heym, «Die Seefahrer»)

Irgendeiner hatte ihm eine dunkellila Aster/ Zwischen die Zähne geklemmt. (Benn, «Kleine Aster»)

Нередко они образуют оппозицию к местоимениям первого лица:

Man hat uns belogen und betrogen... (Benn, «Der junge Hebbel»)

Man treibt sie ein, wie Schafe zu der Schur. (Heym, «Die Gefangenen I»)

Jemand hat uns gerufen, wir durften nicht warten... (Heym, «Die Irren»)

В данном случае можно говорить не только об обезличивании, но и о некоторой мистификации, демонизации субъектов реальной действительности. Аналогичный эффект достигается и при использовании отглагольных существительных типа *Gelaufe, Gelächter, Gekreisch, Gebrüll, Bewegung, Gedränge, Gang, Schrei*, довольно популярных в экспрессионистских текстах. Действие становится абсолютным, независимым от деятеля, а сам деятель (причина, первоисточник данного действия) – несущественным, неопределенным. То же самое происходит в случаях субстантивации прилагательного: в данном случае первичным, независимым от субъекта, самим субъектом становится признак/ состояние. Здесь абсолютным лидером является семантическая группа прилагательных, обозначающих цвет:

Schwarzblau der Alpen, und der kahlen Flur... (Heym, «Marengo»)

Ein reines Blau tritt aus verfallener Hülle... (Trakl, «Der Herbst des Einsamen»)

Die Hände bangen blass um krampfes Grauen... (Stramm, «Abendgang»)

Ein Rot schwärmt auf. (Benn, «Untergrundbahn»)

*Ich will in das Grenzenlose/ Zu mir zurück,/ Schon blüht die Herbstzeitlose/
Meiner Seele...* (Lasker-Schüler, «Weltflucht»)

Таким образом, идея обезличивания человека, его подавления миром вещей и машин/ коллективом находит непосредственное выражение во всей языковой структуре: как в семантике слов и смысловом наполнении образов, так и в грамматическом строе произведений.

В заключение стоит добавить, что безликими в произведениях экспрессионистов предстают не только люди, ставшие жертвами урбанизации,

но и сами города. Точные названия городов, улиц, площадей, прочих достопримечательностей обычно отсутствуют. Характерны названия произведений типа «Die Stadt der Qual», «Die Stadt in den Wolken» (Heym), «Vorstadt im Föhn» (Trakl), «Städter» (Wolfenstein), «Fabrikstrasse tags» (Zech), «Nachtcafe» (Benn). Даже если стихотворение посвящается какому-то конкретному месту, описание, как правило, достаточно анонимно. Образы городов столь же условны, как образы людей; они представляют собой некую обобщенную модель – модель мира, модель цивилизации.

Литература

1. Павлова Н. С. Экспрессионизм / Н. С. Павлова // История немецкой литературы: в 5 т. – М.: Наука, 1968. – Т. 4 (1848–1918). – С. 536–564.
2. Тимралиева Ю. Г. Поэтический язык лирики немецкого экспрессионизма: дисс. ... на соиск. ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки» / Ю. Г. Тимралиева. – СПб., 2000. – 195 с.
3. Bekes P. Einleitung und Nachwort / P. Bekes // Gedichte des Expressionismus. – Stuttgart: Philipp Reclam, 1991. – P. 7–17.
4. Mautz K. Mythologie und Gesellschaft im Expressionismus. Die Dichtung Georg Heyms / K. Mautz. – Frankfurt-am-Main, Bonn, 1961. – 387 p.
5. Schneider K. L. Der bildhafte Ausdruck in den Dichtungen G. Heyms, G. Trakls und E. Stadlers / K. L. Schneider. – Heidelberg, 1961. – 184 p.